

Экономические отношения России и ЕС: навстречу «Партнерству для модернизации»?

Введение.

Экономические отношения России и ЕС, как и раньше, характеризуются глубокой асимметричностью. Россия экспортирует в страны ЕС преимущественно минеральные ресурсы и другие сырьевые товары, тогда как ЕС поставляет России продукцию с более высокой добавленной стоимостью. Эти отношения не лишены преимуществ: например, импорт высокотехнологичных капиталоемких товаров из ЕС вносит существенный вклад в модернизацию российской промышленности. Тем не менее, российские политики ясно дали понять, что они хотят, чтобы Россия, являющаяся главным образом пользователем технологий, перешла в разряд создателей технологических инноваций. Такова общая цель программы экономической модернизации, занявшей важное место в новейшем политическом дискурсе России. Недавно запущенное «Партнерство для модернизации» (ПдМ) призвано обеспечить более сбалансированные и равноправные отношения, тем самым внося вклад в реализацию масштабных модернизационных планов российского правительства. Российские чиновники надеются, что эта инициатива придаст дополнительный импульс процессу приобретения и освоения технологий, а в перспективе и технологическому новаторству. Для ЕС результатом успешного партнерства станет расширение рынка экспорта производимых в ЕС технологий, а, в конечном счете, наличие более «современного» и, по мнению ЕС, более стабильного соседа.

В настоящей работе дается оценка возможной эффективности «Партнерства для модернизации». В первой части представлен обзор существующих экономических отношений. Хотя экономические отношения между Россией и ЕС характеризуются значительной асимметрией структуры торговли, меняющийся характер российского импорта позволяет предположить, что ЕС уже играет важную роль в модернизации российской экономики. Во второй части рассматривается содержание «Партнерства для модернизации» и проводится анализ того, каким образом обе стороны могут выиграть от реализации этой инициативы. Проведенный анализ подтверждает, что достижение целей данного партнерства желательно для обеих сторон. В заключительном разделе рассматривается наиболее существенный вопрос о том, сможет ли «Партнерство для модернизации» достичь своих целей. Если оно предназначено для стимулирования модернизации в России, а также для достижения более высокой степени экономической интеграции его участников, оно только выиграло бы от более четкой расстановки приоритетов. Вместе с тем, в настоящее время оно развивается без учета того, какой тип модернизации необходим России, и в результате меры, направленные на достижение некорректных целей, вряд ли приведут к успеху.

Экономические отношения России и ЕС: некоторые факты.

В 2004 году Катинка Бариш (Katinka Barysch) заявила, что экономические отношения России и ЕС можно охарактеризовать двумя словами: «асимметрия» и «энергетика»^{*1}. Тем самым она указывала на то, что Россия, в сравнении с ЕС, оставалась не очень значимой экономикой, ее население составляло небольшую и убывающую долю общемирового, участие в глобальных инвестиционных потоках было ничтожным, а доход на душу населения – значительно ниже среднего показателя по ЕС. Европейский Союз являлся крупнейшим торговым партнером и поставщиком иностранных инвестиций для России. В

свою очередь, на долю России приходилась гораздо меньшая часть торгового оборота ЕС, и она была незначительным источником и реципиентом иностранных инвестиций.

Эта асимметрия нашла отражение в структуре торговых и инвестиционных потоков между двумя партнерами. В российском экспорте преобладали энергоносители, а конкурентоспособные на рынке ЕС товары с более высокой добавленной стоимостью присутствовали в очень небольшом количестве. Такое положение отражало структуру, характерную для российской промышленности в целом, – преобладание экспорта сырья и полуфабрикатов*2. Импорт России из ЕС составляли товары с более высокой добавленной стоимостью – продукция именно тех отраслей, где Россия была неконкурентоспособна. По сути, российские энергоносители обменивались на готовую продукцию. Рикардианская теория сравнительных преимуществ могла бы объяснить эту асимметрию, но более современные научные концепции определяют отсутствие структурных преобразований в российской экономике как источник слабости, поддерживая, таким образом, мнение о России как об отсталом сырьевом придатке развитых государств*3.

Асимметричность сохраняется.

В период с 2004 года в некоторых областях произошли незначительные изменения. В 2008 году доля в мировом экспорте, приходящаяся на государства европейского интеграционного объединения (все 27 государств-членов) – несмотря на постепенное ее уменьшение с 1970 года, когда она достигала 46,7 процента – оставалась самой большой в мире, составив 38,2 процента глобального экспорта промышленных товаров*4. Доля России в мировом экспорте, несмотря на относительный подъем по сравнению с 1,6 процента в 1995 году, составляла лишь 2,6 процента. Похожая асимметрия невооруженным глазом видна при рассмотрении сравнительных долей партнеров в мировом импорте. В 2008 году на долю ЕС приходилось около 60 процентов российского экспорта. При этом 27 государств-членов ЕС отвечали за 45 процентов российского импорта. В обоих случаях эти доли со временем уменьшились, поскольку Китай и некоторые другие страны с быстро растущей экономикой (например, Турция) стали более крупными торговыми партнерами, как для ЕС, так и для России.

Население России продолжило уменьшаться: в 2004 году в стране проживало 144 миллионов, а в 2011 году, по прогнозам, – 142 миллиона. Оно, по-прежнему, составляло лишь 2 процента численности мирового населения*5. Сокращение было не таким резким, как предполагалось в предыдущие годы, благодаря возросшему потоку иммиграции и снижению эмиграционной активности. К сожалению, численность трудоспособного населения в России, согласно прогнозам, будет неумолимо снижаться в следующие несколько десятилетий вслед за увеличением, пришедшимся на период между 1995 и 2010 годами. Население ЕС гораздо более многочисленно и составляет 502 миллиона, или 7,3 процента мирового населения*6, хотя для ЕС, как и для России, прогнозируется общая убыль населения и резкое увеличение доли иждивенцев, поскольку оба партнера входят в «возраст старения»*7.

Оба партнера также являются держателями чистых сбережений (ЕС – по крайней мере, на агрегированном уровне). Следовательно, в последние годы они оба постоянно сохраняли активное сальдо текущего платежного баланса. Вместе с тем, прогнозы для обоих партнеров показывают, что размер положительного сальдо по текущим счетам будет быстро уменьшаться и у России сойдет к нулю в течение нескольких лет*8. Что касается инвестиционных потоков между партнерами, то в 2004-2007 годах 57 процентов от общего объема входящих прямых иностранных инвестиций в Россию поступило из ЕС (по данным службы Евростат за 2010 год), что делает ЕС крупнейшим источником ПИИ*9. В то же время Россия остается гораздо менее важным источником прямых иностранных инвестиций

для ЕС. В 2007 году доля России в общем объеме прямых иностранных инвестиций в ЕС составила лишь 1,9 процента (она больше, чем у Китая и Индии, но меньше, чем у Бразилии). С другой стороны, в последние годы серьезно поменялась структура инвестиционных потоков, и сегодня российские компании намного более активно, чем раньше, действуют на пространстве ЕС, а приток прямых иностранных инвестиций в страну практически уравнивается капиталовложениями российских корпораций за рубежом. Такая сбалансированность отличает Россию от других бывших участников советского блока, равно как и от других стран с большой численностью населения и низким и средним уровнем доходов*10.

Таблица 1. Структура экспорта России в страны ЕС в соответствии с технологическим уровнем экспортируемых товаров, 1997 и 2008 годы.

	Минеральные ресурсы и иное сырье		Продукция низкого уровня переработки		Продукция среднего уровня переработки		Высокотехнологичная продукция	
	1997	2008	1997	2008	1997	2008	1997	2008
Австрия	95.1%	54.0%	2.6%	21.4%	1.6%	19.3%	0.8%	5.3%
Бельгия	n/a	87.1%	n/a	3.0%	n/a	9.6%	n/a	0.2%
Болгария	80.9%	88.9%	1.5%	5.6%	8.9%	2.3%	8.6%	3.3%
Кипр	76.9%	94.5%	3.7%	0.3%	19.4%	5.0%	0.0%	0.2%
Чехия	92.5%	89.0%	4.9%	1.8%	1.7%	7.7%	0.9%	1.5%
Дания	84.9%	61.6%	4.0%	3.9%	10.5%	34.4%	0.6%	0.1%
Эстония	76.5%	75.5%	7.7%	6.4%	14.5%	16.9%	1.3%	1.2%
Финляндия	81.7%	92.1%	2.0%	0.9%	14.6%	6.1%	1.8%	0.8%
Франция	92.3%	93.1%	3.5%	2.5%	3.8%	3.8%	0.4%	0.6%
Германия	90.0%	85.8%	4.2%	6.1%	4.3%	6.5%	1.6%	1.6%
Греция	77.9%	91.8%	5.2%	3.5%	15.2%	4.1%	1.7%	0.6%
Венгрия	88.7%	92.7%	0.9%	2.4%	6.5%	3.6%	3.8%	1.3%
Ирландия	98.6%	30.4%	0.2%	0.8%	1.2%	62.4%	0.0%	6.5%
Италия	88.1%	84.2%	5.0%	5.0%	6.6%	10.7%	0.3%	0.1%
Латвия	76.3%	90.7%	6.1%	4.8%	16.2%	4.1%	1.4%	0.4%
Литва	75.6%	79.7%	5.4%	3.7%	11.5%	12.9%	7.5%	3.7%
Люксембург	n/a	36.3%	n/a	34.9%	n/a	27.3%	n/a	1.4%
Мальта	99.8%	71.8%	0.0%	0.0%	0.2%	27.7%	0.1%	0.5%
Нидерланды	94.5%	97.1%	0.6%	0.1%	4.7%	2.6%	0.2%	0.1%
Польша	94.9%	94.6%	1.4%	1.9%	3.2%	3.3%	0.5%	0.2%
Португалия	53.2%	77.9%	36.7%	18.5%	10.0%	3.1%	0.1%	0.5%
Румыния	88.9%	86.9%	4.2%	2.0%	6.7%	11.0%	0.2%	0.1%
Словакия	92.3%	89.0%	0.7%	1.6%	3.3%	8.1%	3.7%	1.3%
Словения	87.5%	91.1%	4.2%	3.3%	8.2%	4.5%	0.2%	1.1%
Испания	90.0%	91.3%	4.7%	2.5%	5.1%	5.8%	0.2%	0.5%
Швеция	96.0%	94.4%	1.9%	1.3%	1.8%	4.1%	0.4%	0.2%
Великобритания	84.4%	94.4%	3.0%	1.2%	12.0%	3.8%	0.6%	0.6%
ЕС в целом	89.1%	90.9%	2.9%	2.5%	6.6%	6.0%	1.4%	0.6%

Источник: база данных ООН «UN Comtrade», 2010 г.; расчеты выполнены автором.

Опасения российского руководства относительно экономической отсталости страны подтверждаются существующей структурой экономических отношений между партнерами. В промышленном экспорте России в страны ЕС преобладают минеральные ресурсы и другое сырье, и, прежде всего, энергоносители (см. Таблица 1). За последние пятнадцать лет доля продукции добывающей промышленности в общем объеме российского экспорта в ЕС оставалась стабильной и составляла около 90 процентов. Лишь в некоторых случаях России удалось добиться отдельных успехов в торговле продукцией с более высокой добавленной

стоимостью. Но даже к этим данным следует относиться с большой осторожностью. Например, по имеющимся статистическим данным создается впечатление, что экспорт высокотехнологичных товаров из России в Ирландию с 1997 года значительно вырос. Однако эта тенденция обеспечена внутренними операциями между дочерними фирмами российской компании «НТ-МДТ», что объясняет и параллельный рост российского импорта высокотехнологичных товаров из Ирландии.

Таблица 2. Структура импорта России из стран ЕС в соответствии с технологическим уровнем импортируемых товаров, 1997 и 2008 годы.

	Минеральные ресурсы и иное сырье		Продукция низкого уровня переработки		Продукция среднего уровня переработки		Высокотехнологичная продукция	
	1997	2008	1997	2008	1997	2008	1997	2008
Австрия	25.0%	17.2%	14.7%	18.1%	40.7%	46.6%	19.6%	18.0%
Бельгия	n/a	20.5%	n/a	9.5%	n/a	58.8%	n/a	11.2%
Болгария	34.2%	22.5%	5.9%	9.5%	36.0%	39.2%	23.9%	28.8%
Кипр	28.6%	23.0%	11.0%	1.4%	50.3%	30.2%	10.1%	45.4%
Чехия	30.8%	11.5%	14.5%	11.7%	44.4%	59.0%	10.3%	17.8%
Дания	57.9%	41.2%	7.7%	6.4%	20.7%	31.0%	13.7%	21.3%
Эстония	32.1%	35.4%	3.7%	13.4%	59.8%	46.5%	4.4%	4.7%
Финляндия	40.3%	31.1%	14.6%	6.8%	34.0%	43.4%	11.1%	18.7%
Франция	32.0%	23.7%	8.3%	7.4%	38.2%	47.3%	21.6%	21.6%
Германия	23.1%	16.0%	8.8%	8.2%	50.0%	63.5%	18.1%	12.4%
Греция	69.9%	43.3%	9.3%	19.6%	19.0%	20.5%	1.8%	16.6%
Венгрия	35.1%	11.2%	6.3%	5.8%	38.3%	19.7%	20.4%	63.3%
Ирландия	72.8%	41.6%	3.6%	11.4%	14.8%	14.6%	8.8%	32.3%
Италия	20.0%	16.5%	18.6%	19.3%	52.5%	55.1%	8.8%	9.1%
Латвия	47.0%	31.3%	9.7%	16.3%	31.3%	34.6%	12.0%	17.9%
Литва	64.9%	58.7%	7.4%	15.8%	23.8%	22.9%	3.8%	2.5%
Люксембург	n/a	22.4%	n/a	24.6%	n/a	50.6%	n/a	2.4%
Мальта	9.4%	0.1%	4.2%	1.9%	85.6%	96.9%	0.9%	1.1%
Нидерланды	59.0%	42.2%	6.3%	4.4%	23.6%	41.8%	11.1%	11.6%
Польша	44.9%	21.3%	16.8%	17.0%	26.7%	50.4%	11.6%	11.2%
Португалия	40.5%	25.6%	23.9%	32.2%	35.5%	33.0%	0.2%	9.2%
Румыния	56.6%	7.5%	5.4%	15.3%	31.0%	52.7%	6.9%	24.5%
Словакия	24.2%	4.3%	32.4%	6.7%	34.8%	73.1%	8.6%	15.9%
Словения	12.1%	7.2%	10.9%	8.9%	27.7%	39.2%	49.4%	44.7%
Испания	53.9%	28.0%	9.9%	6.9%	28.1%	55.8%	8.1%	9.3%
Швеция	22.4%	9.7%	17.6%	7.0%	36.1%	57.4%	24.0%	25.9%
Великобритания	28.0%	11.5%	8.2%	5.4%	41.4%	71.4%	22.4%	11.7%
ЕС в целом	33.0%	19.5%	11.2%	9.9%	40.2%	54.4%	15.6%	16.1%

Источник: база данных ООН «UN Comtrade», 2010 г.; расчеты выполнены автором.

Структура российского импорта из ЕС также отражает низкую конкурентоспособность России в производстве средне- и высокотехнологичных товаров, общая доля которых составляет 60 процентов всей продукции, ввезенной в Россию из ЕС в 2008 году, что превышает показатель 1997 года. Это делает ЕС самым крупным источником товаров с высоким уровнем материализованных технологий. Что касается доли в российском импорте каждой из стран ЕС, то на Венгрию и Словению – страны, которые специализируются в

рамках международных производственных цепочек на сборке конечной продукции – приходится самая большая доля высокотехнологичного экспорта в Россию. Тем не менее, в абсолютном выражении крупнейшим экспортером в Россию средне- и высокотехнологичных товаров среди стран ЕС, несомненно, является Германия.

Перечисленные выше дисбалансы формируют, вероятно, крупнейшую асимметрию между Россией и ЕС – асимметрию в уровне доходов. В 2010 году валовой внутренний продукт (ВВП) стран ЕС составил свыше 16 триллионов долларов США по текущему рыночному обменному курсу (15,8 триллионов на основании обменного курса по паритету покупательной способности, рассчитываемому Всемирным банком), что соответствует 25,7% общемирового ВВП (20,9% по паритету покупательной способности (ППС)). Для России даже после стремительного роста ВВП в 1999-2008 годах этот показатель составил чуть менее 1,5 триллионов долларов США (2,7 триллиона по ППС), что равнозначно 2,3% общемирового дохода (3,6%, по ППС). Таким образом, если рассматривать ЕС как единое целое, то он представляется экономическим тяжеловесом, чья доля в мировом ВВП превышает даже долю США. Россия же по размеру экономики более сопоставима с Испанией, Канадой или Индией.

Если использовать понятие дохода на душу населения – наиболее широко применяемый, хотя и очень приблизительный показатель материального благосостояния, – то и здесь ЕС продолжает значительно опережать Россию. В 2010 году доход на душу населения в ЕС составил 32,365 долларов США (\$31,600 по ППС). Это почти в три с половиной раза больше среднемирового значения, составляющего 9,216 долларов США (или в 2,85 раза выше среднемирового значения по ППС). В России в настоящее время размер дохода на душу населения равен 10,439 долларов США (или \$19,190 по ППС), что также, превышает среднемировой показатель, но гораздо скромнее (исходя из ППС, это на 73% выше, чем в среднем по миру). При расчете на основе рыночного обменного курса, российский доход на душу населения составляет 32% от уровня ЕС, или 60% при пересчете по ППС. В настоящее время соотношение уровней дохода на душу населения двух партнеров является наиболее благоприятным для России за весь постсоветский период, но все еще ниже показателя 1973 года, когда разрыв в размерах доходов был наименьшим^{*11}.

Таким образом, несмотря на стремительный рост российской экономики в докризисный период, асимметрия как в размерах, так и в структуре хозяйств ЕС и России остается значительной. Сегодня Россия представляет собой экономику средних размеров, сравнимую по масштабам с экономиками Испании, Канады или Индии, а по уровню доходов на душу населения – находящуюся ближе к Бразилии, Латвии и Турции. В результате Россия, конечно, не относится к бедным странам, но не является и богатой. Сохранение описанной асимметрии на протяжении длительного времени наводит на мысль, что экономическое отставание России, скорее всего, сохранится и в будущем. Вместе с тем, новой тенденцией экономических отношений Москвы и Брюсселя стал существенный прогресс в освоении Россией новых технологий. Она позволяет сделать вывод, что неоформленное, неофициальное партнерство для модернизации уже осуществляется. Она также свидетельствует, что, несмотря на сохранение давней асимметрии, небольшие перемены уже происходят, хотя и остаются малозаметными, что дает повод для оптимизма при оценке перспектив российской экономики.

Роль трансфера технологий в развитии российской экономики.

Уровень производительности труда имеет высокую корреляцию с уровнем доходов на душу населения. Соответственно, по мере роста производительности труда страна становится богаче. Широкий спектр мер может помочь государству поднять средний уровень

производительности, включая, в числе прочего, институциональные реформы (например, те, что проводились в России в последние двадцать лет); наращивание человеческого капитала; увеличение капиталовооруженности; совершенствование процессов организации и управления; а также перевод факторов производства (труда и капитала) в более продуктивные области экономической деятельности (например, из сельской местности на городскую фабрику или с устаревших промышленных предприятий в современный сектор услуг).

Наиболее распространенный способ повышения уровня производительности – это освоение и распространение ранее неиспользовавшихся (в рассматриваемой стране) технологий в общеэкономическом масштабе. Это достижимо «посредством привлечения в страну прямых иностранных инвестиций, посредством установки зарубежного производственного оборудования, в котором воплощены новые технологии, посредством приобретения лицензий и посредством копирования с применением промышленного шпионажа или без него»^{*12}. Страны, не принадлежащие к числу мировых лидеров в области технологических инноваций, в том числе Россия, обладают тем преимуществом, что, будучи экономически отсталыми, они имеют возможность осуществить быстрый рост производительности, просто приобретая и распространяя новые технологии, без необходимости самостоятельно заниматься их разработкой^{*13}.

Уровень производительности труда в России составляет примерно одну треть от уровня производительности в Соединенных Штатах и менее половины от уровня производительности в Германии. Следовательно, в России существует множество возможностей для получения выгоды от широкомасштабного освоения и распространения технологий. Фил Хэнсон (Phil Hanson) дает приблизительную оценку влияния импорта производственного оборудования, работающего на основе передовых технологий, на рост производительности в России. Прибегая к некоторым крайне упрощенным предположениям, он утверждает, что «диффузионный эффект» импорта, скажем, немецкого оборудования, при равенстве всех условий, повлечет за собой и достижение немецкого уровня производительности. В результате скорость, с которой Россия может приблизиться к уровню производительности Германии, будет в значительной степени зависеть от того, насколько «велика разница в производительности между этими двумя торговыми партнерами, сколько оборудования импортировано в виде доли от приращения общего фонда производственного оборудования, и как быстро растет это фонд»^{*14}. Сделанные им приблизительные подсчеты показывают, что Россия в последние годы устанавливает импортное оборудование темпами, которые могут привести к увеличению производительности труда до двух процентов в год, хотя автор признает, что вследствие использования при проведении данных вычислений чрезмерно упрощенных допущений реальные темпы могут быть ниже (или выше)^{*15}.

Его выводы свидетельствуют, что рост производительности труда в России в значительной степени, по-видимому, обусловлен внедрением импортного производственного оборудования. Доля импорта производственного оборудования росла в общем объеме российского импорта, увеличившись с 24,5 процента в 2000 году до 35,9 процента в 2010 году. Как следует из таблицы 3, ЕС, в целом, является крупнейшим источником импортного производственного оборудования в Россию, хотя Китай опередил Германию и стал крупнейшей страной-поставщиком. С учетом эффекта диффузии, возникают опасения того, что поставки китайского оборудования означают импорт материализованных технологий *более низкого* стандарта, чем уже достигнутый Россией^{*16}. Вне зависимости от этих рисков, большая часть производственного оборудования, импортируемого в Россию из ЕС, приходит из стран с высоким уровнем производительности труда, таких как Германия или Италия^{*17}. Можно предположить, что еще до проведения обсуждений на высшем уровне того, как ЕС мог бы способствовать экономической модернизации России, диктуемые рынком решения

российских компаний о приобретении в ЕС более совершенных технологий уже играли важную роль в модернизации экономики. Такую ситуацию необходимо использовать: если ЕС уже играет важную роль в модернизации российской экономики за счет ввоза в Россию производственного оборудования (пусть даже со временем его доля уменьшается, и даже если мы допускаем, что китайское экспортное производственное оборудование представляет собой действительно разработанный в Китае местный продукт), Партнерство следует строить на уже существующих прочных основаниях.

Таблица 3. Импорт производственного оборудования в Россию в 2000-2010 гг. (в процентах от общего объема импорта производственного оборудования).

	2000	2005	2010	Динамика (2000-2010)
Австрия	1.6%	1.4%	1.0%	-0.6%
Бельгия	1.5%	1.3%	1.0%	-0.5%
Болгария	0.2%	0.1%	0.2%	-0.1%
Кипр	0.3%	0.0%	0.0%	-0.3%
Чехия	2.3%	1.3%	2.0%	-0.3%
Дания	0.9%	0.6%	0.5%	-0.4%
Эстония	0.6%	0.3%	0.3%	-0.3%
Финляндия	3.7%	3.5%	1.6%	-2.0%
Франция	4.3%	3.4%	2.8%	-1.6%
Германия	21.2%	18.5%	14.4%	-6.8%
Греция	0.0%	0.1%	0.1%	0.0%
Венгрия	1.5%	1.0%	2.1%	0.6%
Ирландия	0.2%	0.2%	0.2%	0.0%
Италия	6.1%	5.7%	4.7%	-1.4%
Латвия	0.3%	0.3%	0.3%	0.0%
Литва	0.3%	0.4%	0.3%	-0.1%
Люксембург	0.1%	0.1%	0.0%	-0.1%
Мальта	0.1%	0.0%	0.0%	-0.1%
Нидерланды	1.8%	1.5%	1.2%	-0.6%
Польша	1.4%	1.3%	2.1%	0.7%
Португалия	0.1%	0.1%	0.1%	0.0%
Румыния	0.2%	0.3%	1.0%	0.8%
Словакия	0.3%	0.7%	2.3%	2.0%
Словения	0.6%	0.3%	0.3%	-0.3%
Испания	0.7%	1.1%	1.0%	0.3%
Швеция	3.0%	3.1%	1.8%	-1.2%
Великобритания	4.0%	3.9%	2.4%	-1.6%
ЕС-27	57.3%	50.2%	43.7%	-13.6%
<u>Справочные статьи</u>				
Китай	1.2%	8.9%	20.9%	19.7%
Япония	4.5%	13.1%	9.4%	4.9%
Турция	0.7%	1.3%	1.3%	0.6%
Украина	10.1%	5.6%	5.5%	-4.6%
США	14.5%	5.7%	5.1%	-9.4%

Источник: база данных ООН «UN Comtrade», 2011 г.; расчеты выполнены автором.

«Партнерство для модернизации»: основные особенности.

Вывод предыдущего раздела может быть сведен к следующему тезису: в то время как экономические отношения между Россией и ЕС продолжают характеризоваться глубокой асимметрией, заметная роль ЕС в качестве источника материализованных технологий для российской экономики означает, что он уже положительно влияет на модернизацию российской экономики. По сути, существующие отношения представляют собой пример «модернизации снизу». Тем не менее, предполагается, что «Партнерство для модернизации» (ПдМ), подписанное в Ростове-на-Дону 1 июня 2010 года, представляет собой общую повестку дня модернизации с целью развития как российской экономики, так и экономики ЕС, утвержденную на высшем уровне. «Партнерство для модернизации» является, в первую очередь, гибким инструментом содействия реформам, ускорения роста и повышения конкурентоспособности. Оно будет опираться на прогресс, уже достигнутый в рамках четырех «общих пространств» России-ЕС, и будет дополнять двусторонние партнерские соглашения по модернизации – как уже существующие, так и находящиеся в процессе согласования – между Россией и отдельными государствами-членами ЕС.

Охват «Партнерства для модернизации» крайне широк. Документ содержит более дюжины «приоритетных областей» сотрудничества – предоставление и расширение возможностей инвестирования в ключевые сектора, обеспечивающие рост и появление инноваций, развивающие и углубляющие двустороннюю торговлю и экономические отношения, а также содействующие развитию малого и среднего бизнеса; содействие синхронизации технических нормативов и стандартов, и эффективное обеспечение прав интеллектуальной собственности; совершенствование транспорта; содействие развитию устойчивой низкоуглеродной экономики и рационального энергопользования, а также международному диалогу по вопросам борьбы с изменением климата; усиление сотрудничества в области инноваций, НИОКР и космических программ; достижение сбалансированного развития с учетом региональных и социальных последствий экономических преобразований; обеспечение эффективного функционирования судебной системы и интенсификация борьбы с коррупцией; содействие установлению контактов между народами; расширение диалога с гражданским обществом для усиления вовлеченности физических лиц и деловых кругов. В то же время стороны договорились, что «в зависимости от обстоятельств могут быть дополнительно определены и другие области сотрудничества»^{*18}. Указанные цели являются поистине всеобъемлющими. К сожалению, они вряд ли достижимы, по крайней мере, в рамках «Партнерства для модернизации».

Перед тем, как перейти к рассмотрению вопроса, почему «Партнерство для модернизации» вряд ли обретет приписываемое ему значение, необходимо рассмотреть в общих чертах, почему подобное партнерство в принципе признается желательным.

Россией «Партнерство для модернизации» видится, преимущественно, сотрудничеством в технологической сфере, которое облегчит трансфер из ЕС в Россию передовых технологий и практик. Сама российская сторона делает упор на создание совместных предприятий в инновационном секторе и сфере высоких технологий, на поддержку конкретных инновационных проектов и введение безвизового режима. При том, что «Партнерство для модернизации» охватывает большое количество компонентов, будет правильным предположить, что российское руководство рассматривает этот документ как официальную поддержку со стороны ЕС «модернизации сверху», т.е. поддержку более широкой программы, осуществляемой правительством России, государственного обновления экономики. Эта программа, включающая множество определенных правительством составляющих, акцент на которых меняется с течением времени, не отличается последовательностью. Вместе с тем, большая часть российской элиты понимает ее, главным

образом, как преобразования в экономической сфере, не затрагивающие основы существующей социальной и политической системы.

Существуют две причины, по которым ЕС выгодна успешная модернизация российской экономики, одна из которых политическая, а другая – экономическая.

Во-первых, современная Россия – даже если рассматривать только экономический аспект – с большей вероятностью будет стабильной и хорошо управляемой. Во многих исследованиях, посвященных «сырьевому проклятию», показано, что ресурсозависимое экономическое развитие тесно связано с коррупцией и плохим управлением*[19](#). Следовательно, экономическая диверсификация и модернизация, при прочих равных условиях, скорее всего, будут иметь результатом улучшение работы российского руководства. А это, в свою очередь, приведет к улучшению качества жизни обычных российских граждан, и в то же время будет способствовать сближению курсов внешней политики и политики безопасности двух партнеров.

Во-вторых, современная и диверсифицированная российская экономика, скорее всего, будет стимулировать быстрый рост импорта из государств-членов ЕС. Для этого, по крайней мере, на ранних стадиях, будут требоваться большие объемы производственного оборудования и основных средств, и, таким образом, увеличение доли инвестиций в сравнении с объемом ВВП, необходимое для реальной модернизации. Финансирование этого увеличения объемов также откроет новые возможности для европейских финансовых организаций*[20](#). Потребности России в производимых в ЕС товарах народного потребления, более совершенных потребительских и деловых услугах, а также путешествий в страны ЕС, скорее всего, будут расти и дальше.

Как бы ни были желанны эти результаты, они достижимы только в случае осуществления продолжительных и эффективных политических мер со стороны, прежде всего, России, но также и иностранных партнеров. В следующем разделе будут названы две главные проблемы политического взаимодействия России и ЕС сегодня и предложен более реалистичный, и, можно надеяться, более эффективный подход к созданию благоприятных условий для проведения в будущем модернизации в России.

«Партнерство для модернизации»: перспективы успеха.

В нынешнем виде «Партнерство для модернизации» имеет два явных изъяна, которые препятствуют достижению ощутимых результатов. Первая проблема заключается в неадекватной оценке того, что нужно российской экономике для осуществления успешной модернизации хозяйства. Вторая проблема связана с отсутствием четко поставленных и выполнимых целей в самом Партнерстве.

Необходимость адекватной инновационной политики.

Прежде всего, требуется оценка того, насколько осуществляемая инновационная политика России адекватна ее положению страны, которая далеко отстала от лидеров мирового технологического прогресса. Российский уровень доходов на душу населения в сравнении с США или ЕС (приблизительный, но достоверный показатель, косвенно свидетельствующий о положении страны по отношению к «технологическому авангарду») показывает, что Россия, по большей части, не относится к группе ведущих стран в сфере разработки и внедрения инноваций. Тот факт, что экспорт высоких технологий составляет менее 3% всего

российского экспорта – еще одно свидетельство этого отставания. В результате Всемирный экономический форум связывает перспективы экономического развития России со снижением издержек, а не с созданием инноваций. В сложившейся ситуации возникает вопрос - что является целесообразным для государства, находящегося так далеко от «технологического авангарда» мира?

Как правило, для стран, сильно отстающих в технологическом развитии, существует возможность увеличения уровня производительности посредством простого копирования и приобретения более совершенных технологий, разработанных кем-то еще. Тем не менее, следует отметить, что само по себе успешное копирование и приобретение в собственность существующих технологий может требовать значительных институциональных нововведений.

Успешные имитационные стратегии роста, которые наблюдались во многих странах Восточной Азии, опирались на следующие условия: наличие крупных корпораций, использовавших эффект масштаба; ограниченная свобода передвижения рабочей силы между компаниями, благодаря чему навыки и умения рабочих оставались конкурентным преимуществом той компании, в которой они работали; ограничения конкуренции и доступа на рынок, позволяющие крупным компаниям осуществлять долгосрочные инвестиции в трудовые ресурсы и основной капитал; а также финансовая система, способная обеспечить долгосрочное банковское кредитование.

Перечисленные институциональные условия мало способствуют росту в инновационных отраслях промышленности, находящихся на острие технологического прогресса (таких как нанотехнологии). Тем странам, которые обладают соответствующим заделом, и хотели бы развивать передовые с технологической точки зрения отрасли, чтобы расти дальше, необходимо стремиться к приобретению и внедрению нового знания. Этот процесс связан с более высокими требованиями к институциональной среде. Новая теория экономического роста обуславливает повышение производительности труда с инновациями. Инновации, в свою очередь, стимулируются перспективой сверхприбылей, которые получают успешные рационализаторы. Согласно данной теории, инновациям, а, следовательно, и росту производительности, способствуют следующие условия:

- высокая мобильность рынка рабочей силы, благодаря чему инновационным компаниям, приходящим на новые рынки, легче найти нужных им специалистов;
- более высокая конкуренция на рынке товаров и низкие барьеры входа на рынок;
- значительное внимание к высшему образованию и, в частности, его верхним уровням (магистратуре, аспирантуре), и наличие вузов, которые могут готовить научных сотрудников и создавать научный базис, на который компании опираются в своей инновационной деятельности;
- большая роль, отводимая небанковскому финансированию и фондовым биржам, что способствует отбору для финансирования наиболее перспективных инновационных проектов*[21](#).

Если Россия будет стремиться развивать те отрасли промышленности, которые определены российским правительством в качестве приоритетных областей индустриального развития, то необходимо наличие именно этих условий. Но насколько Россия близка к их созданию?

Всемирный экономический форум публикует ежегодный отчет, в котором на основании ряда критериев оценивается прогресс большой группы стран в развитии институтов экономического роста. Эти критерии представляют собой сложную систему показателей, составленную на основе данных опросов и качественного анализа. Полученные рейтинги могут быть использованы для ориентировочной проверки наличия в России четырех групп институциональных условий, необходимых для развития инновационных отраслей промышленности.

Согласно последним данным ВЭФ, условия на российском рынке труда не особенно благоприятны. Соответствующий критерий «эффективности рынка труда» оценивается на основе ряда показателей, включая такие, как мобильность, оплата и условия труда, а также практику найма и увольнения. Россия в этом рейтинге занимает 57-ое место среди 133 государств. Столь невысокая позиция свидетельствует об отсутствии условий, необходимых для роста инновационных отраслей промышленности. В действительности это общее ранжирование маскирует некоторые более серьезные слабости: например, по показателю гибкости занятости Россия занимает 90-ю позицию среди 133 стран – факт, который должен вызвать крайнюю обеспокоенность у политического руководства страны. Несложно понять, что России для развития инновационных отраслей промышленности потребуются радикальный пересмотр регулирования рынка труда.

С показателями конкуренции на товарном рынке дело обстоит еще хуже. Здесь Россия стоит 123-й в списке из 133 государств. Что касается показателей, составляющих этот критерий, то по степени интенсивности рыночной конкуренции Россия находится на 115-ом месте, а по эффективности антимонопольной политики – на 108-ом. Это крайне неблагоприятное положение, и для его улучшения потребуются многие годы осуществления правительством последовательной и эффективной политики. В сравнительном отношении Россия находится гораздо ниже развивающихся стран, которые правительство России, несомненно, сочло бы маловероятными конкурентами в сфере инновационного развития. В список этих стран входит Индонезия (84-е место), Буркина-Фасо (91-ое место), Китай (38-ое место). И даже Индия, страна, известная инерционностью рынка труда, стоит выше России (92-ое место).

В области высшего образования положение Россия выглядит лучше. По показателю «высшее образование и профессиональное обучение» Россия занимает 50-ое место из 133-х. Но даже в этом компоненте Россия далека от конкурентоспособности на международном уровне. Россия стоит ниже ряда государств, реализующих политику создания конкурентоспособной инновационной промышленности: Корея (15) и Польша (26) опережают Россию в этой области, в которой она наиболее сильна.

Последняя область, играющая ключевую роль в развитии инновационных отраслей промышленности, – финансовая система. Это, возможно, самое уязвимое место России. По уровню развития финансового рынка – показателю, учитывающему развитость финансового рынка, возможности финансирования за счет национального капитала, условия получения займов, доступность венчурного финансирования, наличие ограничений движения капитала, эффективность защиты инвесторов, устойчивость банков, регулирование торговли ценными бумагами и индекс господства права – Россия занимает 125-ое место в мире. Причина этого – крайне низкое качество посреднических услуг в финансовом секторе в России.

Слабость российского финансового сектора определяют четыре основных фактора*²². Во-первых, государство, вследствие своего подавляющего присутствия в российском банковском секторе, играет слишком большую роль в распределении избыточных сбережений. Во-вторых, российская банковская система состоит из множества небольших неэффективных банков и нескольких крупных, контролируемых государством организаций,

предоставляющих кредиты главным образом крупным предприятиям или компаниям из конкретных регионов страны (в обоих случаях компании-получатели кредитов часто имеют тесные политические связи с кредиторами). Третье, финансовая система является банкоцентричной, с незначительным количеством источников небанковского финансирования. И, наконец, низкий уровень проникновения иностранных банков на рынок. Поскольку реальные процентные ставки отрицательные, а также из-за упомянутых структурных дефектов в финансовой системе, спрос на кредиты в России превышает предложение, что ставит в выгодное положение более крупные, давно существующие организации и ведет к дискриминации новичков. В результате российская банковская система чрезвычайно мала по международным меркам. Это обстоятельство создает особую проблему для России, поскольку в стране длительное время наблюдается активное сальдо по текущим счетам платежного баланса (то есть в стране имеется свободная ликвидность). Россия находится в выгодном положении, имея необходимый капитал для финансирования инвестиций, но из-за низкого уровня развития финансовой системы он ищет пути выхода в зарубежные страны. Туда, где он может быть использован более эффективно.

Перечисленные выше слабости дополняются другими убедительно подтвержденными проблемами российской деловой среды – такими, как высокий уровень коррупции, чрезмерное вмешательство государства в экономику и устаревшая и приходящая в упадок инфраструктура. В результате масштабные мероприятия по развитию инновационных отраслей, в том числе тех, что были определены в качестве объектов государственной поддержки концептуальными документами правительства (нанотехнологии, энергоэффективность, ядерные технологии, космические технологии и связь, фармацевтика и стратегические информационные технологии), вряд ли приведут к чему-то большему, чем развитие небольших инновационных гетто, слабо связанных с остальной российской экономикой. Что же в таком случае следует делать России?

Поскольку Россия отстала в технологическом отношении, у нее есть прекрасная возможность ускоренного развития посредством сотрудничества с иностранными компаниями и импорта материализованных технологий. Такую помощь ЕС предоставляет России уже сейчас, но в недостаточных для запуска процесса модернизации масштабах. В настоящее время капиталовложения в России составляют примерно 20% ВВП, что значительно меньше цифры в 25-30 процентов, которая, с наиболее обоснованной точки зрения, необходима, чтобы вызвать полноценную структурную трансформацию^{*23}. С учетом того, что согласно среднесрочным и долгосрочным фискальным прогнозам, у государства недостаточно ресурсов для самостоятельного осуществления этих усилий, необходимым условием экономической модернизации в России является повышение уровня частных капиталовложений. Как только этот процесс начнется, Евросоюз, чтобы помочь России в осуществлении диверсификации и совершенствования хозяйства, весьма вероятно, будет предоставлять технологии, как он делал это в последнее время, в форме экспорта и прямых иностранных инвестиций.

Вместе с тем, для того чтобы приобретение иностранных технологий принесло желаемые плоды, необходим соответствующий потенциал их освоения. Следовательно, вместо того, чтобы тратить большие ресурсы на развитие инновационных анклавов, российским руководителям следует, прежде всего, стимулировать частное инвестирование, а также привлекать прямые иностранные инвестиции в страну и увеличивать объемы импорта производственного оборудования, одновременно увеличивая потенциал освоения таких инвестиций. Политика, направленная на решение последней задачи, не должна сводиться к традиционному набору мероприятий, способствующих увеличению притока ПИИ. Ресурсы следует направить на создание служб поддержки, специализирующихся на отдельных отраслях и на отдельных технологиях. В этом случае агентства иностранных инвестиций

будут нацелены на привлечение ПИИ и последующем внедрении их в местную экономику путем содействия установлению разносторонних связей между российскими и иностранными компаниями. Другим инструментом могут стать специализированные торговые агентства, которые займутся формированием «поисковых сетей», объединяющих российские и зарубежные предприятия. Через эти сети будет распространяться информация о преимуществах приобретения технологий и примерах их успешного внедрения. Для того чтобы эта деятельность способствовала экономическому развитию России, государственная политика должна стимулировать интеграцию иностранных инвестиций (и оборудования) в отечественную экономику. Для этого необходимо избегать искушения привлекать прямые иностранные инвестиции исключительно с целью стимулирования занятости, и принять стратегический подход к привлечению ПИИ. В его отсутствие существует угроза, что ТНК из стран ЕС смогут получать непропорционально большие выгоды от доступа в российскую экономику.

Этот подход – инновационная политика, основанная на приобретении, освоении и распространении полученных технологий – больше соответствует сегодняшнему уровню технологического развития России. Его преимущество в том, что он может опираться на существующую структуру торговли и предполагает интенсификацию уже осуществляемых действий вместо создания абсолютно новых инструментов. Он также включает набор стратегий, к реализации которых можно привлечь отдельные предприятия и региональные администрации. Таким образом, этот подход принципиально отличается от нынешней федеральной инновационной политики, ориентированной на популярные сегодня высокотехнологичные отрасли промышленности.

Подобную стратегию развития, вместе с тем, не стоит отождествлять с типом развития, наблюдаемым в экономиках с низким уровнем доходов и избытком трудовых ресурсов, таких как Китай и Индия. Не только доход на душу населения в России существенно выше, чем в этих странах. Она в ближайшем будущем, скорее всего, столкнется с уменьшением числа трудоспособного населения. Соответственно, для России неприемлема ориентация на звенья глобальных производственных сетей, характеризующиеся высокой трудоемкостью. Вместе с тем нацеленность исключительно на области передовых технологий не является лучшим выбором для России. Стратегия, направленная на повышение российского потенциала освоения инвестиций, представляет собой наиболее перспективный путь повышения совокупной производительности факторов производства во все российской экономики. Этот путь стремительного наращивания совокупной производительности факторов производства представляется неотъемлемым для успеха модернизации российской экономики. Автор понятия «БРИК», председатель компании «Голдман Сакс управление активами» Дж. О'Нил утверждает, что перспективы удержания России в выявленном им круге динамичных экономик, с учетом ухудшающейся демографической ситуации, напрямую зависят от устойчивого роста совокупной производительности факторов производства. Ориентация на освоение технологий приведет к скорейшему решению этой задачи и создаст предпосылки для возникновения растущего числа российских компаний, обладающих потенциалом конкуренции в сфере передовых технологий.

Таким образом, за счет более подходящей инновационной стратегии российское правительство сможет сосредоточить усилия на содействии приобретению, освоению и распространению технологий. Повышение вооруженности технологиями российского производства и улучшение ее капиталовооруженности не только поможет России преодолеть негативные экономические последствия, связанные с ухудшающейся демографической ситуацией, но также будет способствовать вхождению России в число развитых стран мировой экономики, не уподобляясь азиатским странам, сочетающим копирование производств развитых стран с потенциалом дешевой рабочей силы. «Партнерство для

модернизации», в измененной редакции, может помочь России в осуществлении такой политики, параллельно, создавая столь нужный источник потребительского спроса для явно испытывающей в нем дефицит экономики ЕС.

Необходимость приоритизации.

Второй основной проблемой «Партнерства для модернизации» в его нынешней редакции является отсутствие четкого набора приоритетов и определения желаемых конкретных результатов сотрудничества. Порядка двенадцати указанных в совместном заявлении «приоритетных областей» уже в силу своего количества не могут считаться приоритетами. Они скорее напоминают подробный список неопределенно сформулированных задач обеих сторон. Средства, выделенные на решение этих задач, ничтожны. В сложившейся ситуации ЕС несет основную долю ответственности. В то время как запросы российской стороны были изначально сравнительно узконаправленными, а именно: четкая и последовательная ориентация на приобретение технических ноу-хау для содействия экономической модернизации, со стороны ЕС наблюдается стремление включить ссылки на гражданское общество, снижение коррупции и другие явно политические, вопросы. Это приводит к тому, что целей слишком много, а ресурсов слишком мало. Даже при достаточных ресурсах представляется маловероятным, что ЕС когда-либо будет в состоянии определять направления внутренних институциональных изменений в России, так как это было сделано в Центральной и Восточной Европе.

Успешное партнерство должно основываться на сотрудничестве в нескольких ключевых областях, где прогресс реально достижим, взаимовыгоден и строится на уже существующих отношениях. Двусторонние партнерские соглашения России с государствами-членами в области модернизации – хороший пример того, куда ЕС следует направлять свои усилия. Эти документы, часть которых предшествовала «Партнерству для модернизации», узконаправленны и направлены на четко определенные области сотрудничества, где рассматриваемый партнер обладает очевидной компетенцией. Так, соглашение, подписанное с Германией в 2008 году, касается пяти областей: здравоохранения, энергоэффективности, логистики, образования и улучшения регулирования предпринимательской деятельности в России. Определение четкого фокуса работы привело к появлению множества конкретных проектов, принесших реальную пользу обоим партнерам, пусть в небольшом масштабе. Хотя подобные инициативы вряд ли могут иметь результатом крупномасштабную модернизацию России, они, несомненно, увеличивают размер модернизационной составляющей в российской экономике. Другие двусторонние соглашения, как, например, недавно подписанное соглашение с Финляндией, вероятно, принесут такие же результаты.

Посредством сотрудничества в технических областях, оказывающего эффективное деполитизирующее и, в некоторой степени, децентрализующее воздействие (например, таможенное управление, производственные стандарты, и т.д.), «Партнерство для модернизации» может дать ограниченные, но реальные результаты, что лучше, чем ничего. Чтобы это произошло, ЕС понадобится переключиться с попыток (правда, довольно слабых) повлиять на крупномасштабные институциональные реформы в России к мерам, увязанным с желанием России провести экономическую модернизацию. Направив свои усилия на узкую и строго техническую область, государства-участники ЕС получают краткосрочную и среднесрочную выгоду от расширения экономических связей (например, от роста экспорта в Россию капитала и производственного оборудования). В среднесрочной и долгосрочной перспективе Россия, если она способна на значительную экономическую модернизацию, скорее всего, встанет на более близкий ЕС путь институционального развития. Таким образом, следует оставить институциональное развитие в качестве долгосрочной цели и изменить расстановку акцентов сегодня.

«Партнерство для модернизации»: что нужно сделать?

В настоящем исследовании утверждается, что существующая инновационная стратегия российского правительства не соответствуют текущим нуждам развития страны, и что «Партнерство для модернизации» с его размытой направленностью не может помочь России в ее желании осуществить модернизацию экономики. Такой отрицательный результат не нужен ни одной из сторон. Каким должно стать «Партнерство для модернизации» в будущем? Успешное Партнерство должно быть основано на трех главных принципах.

Во-первых, Партнерство должно удовлетворять основные интересы каждой из сторон. В данном случае, очевидно, что российской стороне требуется трансфер технологий, будь то посредством научно-технического сотрудничества, прямых иностранных инвестиций на внутренний рынок или технологий, материализованных в импортируемом производственном оборудовании. Что касается ЕС, то свертывание более широких политических целей «Партнерства для модернизации», по крайней мере, в ближайшей перспективе и сосредоточение на содействии созданию растущего источника спроса для экспорта товаров из ЕС в тревожное для экономики время должно сделать модификацию «Партнерства для модернизации» заманчивым предложением.

Во-вторых, Партнерство должно соответствовать российским потребностям с учетом достигнутой стадии экономического развития страны. В этой связи обеим сторонам следует пересмотреть свои текущие подходы. России необходимо изменить внутреннюю политику, перейдя от существующей федеральной инновационной стратегии, направленной на отрасли промышленности, находящиеся в авангарде технологического прогресса, к стратегии, основанной на приобретении, освоении и распространении уже существующих технологий. Вместе с тем, такой модифицированный подход хотя и необходим, но далеко не достаточен. Быстрый и устойчивый рост уровня частных инвестиций в России является, возможно, самой важной составляющей любого успешного проекта модернизации. Только сами российские граждане и компании могут обеспечить ее реализацию.

При этом ЕС следует активизировать поддержку прямых иностранных инвестиций из своих государств-членов в Россию и содействие компаниям, экспортирующим технологии на всех уровнях, а не только на уровне передовых технологий. Эти технологии нужны России для повышения уровня производительности российской экономики. Такая политика означает опору на уже существующее неформальное партнерства для модернизации, которое имеет место между странами ЕС и российскими предприятиями. В последние годы государства-члены ЕС столкнулись с уменьшением их доли на российском рынке. Обращение вспять этой тенденции принесет выгоду ЕС и даст России то, в чем она действительно нуждается для успешного проведения экономической модернизации.

Наконец, в основе данного партнерства должны лежать реально достижимые цели. России нужно сменить акцент с технологических инноваций на проведение институциональных преобразований, необходимых для стимулирования процесса приобретения, освоения и распространения существующих технологий. Для этого потребуются менее грандиозные, но, в конечном итоге, гораздо более эффективные меры, направленные на создание благоприятной для частного инвестирования среды. Такая политика не предполагает проведения масштабных политических реформ или практически недостижимого одномоментного создания государственных институтов уровня Швеции. В то же время потребуются шаги, одобренные российскими предприятиями, вместо концентрации усилий на громких, дорогих и, в конечном счете, малорезультативных проектах, подобных Сколково или Роснано. Приведение в соответствие друг с другом нормативных положений, регулирующих деятельность рынков в России и в ЕС, не приведет к их полному

выравниванию, но может стать для российских предприятий стимулом к покупке технологий в ЕС.

Со стороны ЕС должно иметь место понимание того, что Россия вряд ли положительно отнесется к попыткам оказать содействие демократизации или совершенствованию управления. Такие изменения произойдут только, когда серьезная потребность появится у самой России. Во многих исследованиях содержится предположение, что затянувшийся на десятилетия процесс экономической модернизации с большой вероятностью приведет к ее возникновению. Тем не менее, экономические отношения должны быть сдержанными и технократическими по своей природе, сфокусированными на обеспечении условий, при которых предприятия стран ЕС смогут использовать рыночные возможности, которые появятся в России в случае подъема частного инвестирования. Конкуренция за поставки на эти рынки будет жесткой, а прямое увязывание экономического сотрудничества и политической модернизации в России, скорее всего, станет контрпродуктивным для обеих сторон.

Таким образом, российская модернизация, вероятно, существенно растянется во времени. ЕС имеет хорошие возможности, чтобы с выгодой для себя содействовать этому процессу, хотя только Россия может предпринять решительные действия для претворения модернизации в жизнь. Но обе стороны должны отбросить неадекватные и неосуществимые цели – будь то создание с нуля высокотехнологичных отраслей промышленности или масштабные политические реформы. Вместо этого для успеха потребуются трезвый прагматизм, немного креативного мышления и, что самое важное, готовность к последовательной реализации сравнительно приземленной, но, в конечном итоге, более эффективной стратегии.

Ричард КОННОЛИ

*1 Barysch, K. *The EU and Russia: Strategic Partners or Squabbling Neighbours?* – London: Centre for European Reform, 2004.

*2 См. Cooper, J. Can Russian Compete in the Global Economy? // *Eurasian Geography and Economics* – 2006 – Vol.47, No.4; Connolly, R. The Structure of Russian Industrial Exports in Comparative Exports // *Eurasian Geography and Economics* – 2008 – Vol. 49, No.5.

*3 К исследованиям, в которых показана связь между структурным преобразованием и прибылью, относятся: Imbs, J., Wacziarg R. Stages of Diversification // *American Economic Review* – 2003 – Vol.93, No. 1; Klinger B., Lederman D. Diversification, innovation, and imitation inside the global technological frontier – Washington, D.C.: World Bank, Development Research Group, Trade Team, 2006; Hausmann, R., Hwang J., Rodrik D. What you Export Matters // *Journal of Economic Growth* – 2007 – Vol. 12. No. 1, а также McMillan M.S., Rodrik D. Globalization, Structural Change and Productivity Growth. Working Paper No. 17143, NBER URL: <http://www.nber.org/papers/w17143> дата обращения: June 2011.

*4 Все экономические данные взяты из базы данных ООН «UN Comtrade» (2010). Данные о доле ЕС в мировой торговле включают торговлю внутри ЕС.

*5 *Демографический ежегодник России*. 2010: Стат. сб./ Росстат. – М.: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации, 2010; World Bank. *World Development Indicators*. ESDS International (Mimas), University of Manchester, November 2011.

*6 World Bank. *World Development Indicators*. ESDS International (Mimas), University of Manchester, November 2011.

*7 См. Magnus G. *The Age of Ageing*. New York: Wiley, 2009.

*8 См. Gilman M. Golden Days of Being a Net Saver are Over // *Moscow Times* – December 9, 2010 – URL: <http://new.themoscowtimes.com/mobile/article/425910.html>

*9 Для сравнения, эта цифра за тот же период по данным Росстата составляет 74 процента. Однако эти данные завышены вследствие крупных поступлений с Кипра, маленького государства, используемого в качестве налоговой гавани многими российскими компаниями. Таким образом, подавляющее большинство входящих прямых инвестиционных потоков с Кипра, вероятнее всего, является реинвестированным российским капиталом.

*10 См. Hanson P. *Western Business and Russian Modernization*. – CREES Annual Conference Paper, June 2011.

*11 Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. – Paris: OECD, 2003.

*12 Hanson P. *Western Business and Russian Modernization*. – CREES Annual Conference Paper, June 2011. – p. 2.

*13 Однако следует отметить, что само по себе успешное копирование и приобретение в собственность существующих технологий может требовать значительных институциональных нововведений (см. Nelson and Pack, 1998; Nelson, 1998).

*14 Hanson P. *Western Business and Russian Modernization*. – CREES Annual Conference Paper, June 2011. – p. 3. Рост производительности будет определяться также и другими факторами, такими как внутренняя экономико-правовая среда, развитие местных технологий и практика организации и управления. Что касается иностранного влияния, то прямые иностранные инвестиции внутри страны также могут вызвать рост производительности.

*15 Формально, не беря в расчет временной фактор, диффузионный эффект (d) определяется по формуле:

$$d_R = I_R/K_R \times MK_G/I_R \times (Y_G/Y_R - 1)$$

где I_R/K_R – отношение новых инвестиций в производственное оборудование в России к существующему фонду производственного оборудования; MK_G/I_R – отношение объема импортированного иностранного (в примере Хэнсона – немецкого) производственного оборудования к общему объему новых капиталовложений в производственное оборудование в России; и $(Y_G/Y_R - 1)$ – относительная величина, на которую производительность Германии превышает таковую России (в данном случае предполагается, что уровень производительности Германии вдвое превышает этот показатель для России).

*16 Представляется, однако, вероятным, что экспортируемое в Россию «китайское» производственное оборудование составляет значительную долю продукции, производимой многонациональными корпорациями (МНК) экономически развитых стран, использующими китайских рабочих на стадии окончательной сборки.

*17 США и Япония также экспортируют в Россию значительное количество производственного оборудования.

[*18](#) Совет Европейского Союза, «Совместное заявление о Партнерстве для Модернизации», саммит Россия-ЕС, Ростов-на-Дону, 1 июня 2010 года, адрес документа в Интернете: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms%20_data/docs/pressdata/en/er/114747.pdf.

[*19](#) См., например, Easterly W. *The Elusive Quest for Growth. Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge: MIT Press, 2001; Ross M. Does Oil Hinder Democracy // *World Politics* – 2001 – Vol.53, No.3.

[*20](#) См. Connolly, R. Financial Constraints on the Modernization of the Russian Economy // *Eurasian Geography and Economics* – 2011 – Vol. 52, No.3.

[*21](#) Aghion P., Boulanger J., Cohen E. Rethinking Industrial Policy // *Policy Brief* – 2011/04, Bruegel.

[*22](#) Connolly, R. Financial Constraints on the Modernization of the Russian Economy // *Eurasian Geography and Economics* – 2011 – Vol. 52, No.3.

[*23](#) Ibid.

Список литературы

Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./ Росстат. – М.: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации, 2010. – 525 с.

Aghion P., Boulanger J., Cohen E. *Rethinking Industrial Policy* // Policy Brief – 2011/04, Bruegel.

Barysch K. *The EU and Russia: Strategic Partners or Squabbling Neighbours?* – London: Centre for European Reform, 2004.

Connolly R. The Structure of Russian Industrial Exports in Comparative Exports // *Eurasian Geography and Economics* – 2008 – Vol. 49, No.5 – pp. 586-603.

Connolly R. Financial Constraints on the Modernization of the Russian Economy // *Eurasian Geography and Economics* – 2011 – Vol. 52, No.3 – pp. 586-603.

Cooper J. Can Russian Compete in the Global Economy? // *Eurasian Geography and Economics* – 2006 – Vol.47, No.4 – pp. 407-425.

Easterly W. *The Elusive Quest for Growth. Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge: MIT Press, 2001.

Gilman M. Golden Days of Being a Net Saver are Over // *Moscow Times* – December 9, 2010 – URL: <http://new.themoscowtimes.com/mobile/article/425910.html>

Hanson P. *Western Business and Russian Modernization*. – CREES Annual Conference Paper, June 2011.

Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. What you Export Matters // *Journal of Economic Growth* – 2007 – Vol. 12. No. 1 – pp. 1-25.

Hausmann R., Pritchett L., and Rodrik D. (2005) “Growth Accelerations”, *Journal of Economic Growth*, Vol. 10, No 4 – pp. 303-329.

Imbs J., Wacziarg R. Stages of Diversification // *American Economic Review* – 2003 Vol. 93, No. 1 – pp. 63-86.

Klinger B., Lederman D. *Diversification, innovation, and imitation inside the global technological frontier*. Washington, D.C.: World Bank, Development Research Group, Trade Team, 2006.

Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. – Paris: OECD, 2003.

Magnus G. *The Age of Ageing*. – New York: Wiley, 2009.

McMillan M.S., Rodrik D. *Globalization, Structural Change and Productivity Growth*. Working Paper No. 17143, NBER URL: <http://www.nber.org/papers/w17143> дата обращения: June 2011.

Nelson R., Pack H. The Asian Miracle and Modern Growth Theory. *World Bank Policy Research Working Paper Series*, WPS 1881, Washington, D.C: World Bank., 1998.

Nelson R. The Agenda for Growth Theory: A Different Point of View // *Cambridge Journal of Economics* – 1998 – Vol. 22 – pp. 497-520.

Ross M. Does Oil Hinder Democracy // *World Politics* – 2001 – Vol. 53, No.3. – pp. 325-61.

UN Comtrade, United Nations Statistics Division, *Commodity Trade Statistics Database* URL: <http://unstats.un.org/unsd/comtrade>

World Bank. *World Development Indicators*. ESDS International (Mimas), University of Manchester, November 2011.